

дѣятельности, что, не получивъ бенефиса отъ дирекціи, они имѣютъ въ этотъ день право на бенефисъ отъ публики.

Въ дни юбилеевъ принято подводить итоги, давать портреты, какъ фотографическіе, такъ и литературные.

Для театрала является большимъ искушеніемъ набросать если ужъ не портреты, то хотя бы легкіе эскизы съ обоихъ юбиляровъ.

Можетъ-быть, дать только одинъ контуръ, болѣе или менѣе общій обоимъ юбилярамъ. Легче схватывать родовыя черты, чѣмъ индивидуальныя: для послѣдняго нужна слишкомъ большая твердость руки, слишкомъ большая острота наблюденія, болѣе пристальное, специальное изученіе каждаго.

Не претелдуя на это, я хочу остановиться на томъ, что обще обоимъ юбилярамъ.

Оба они—бытовики, въ самомъ лучшемъ, въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова. Пока на Малой сценѣ играютъ О. А. Правдинъ и М. П. Садовскій, до тѣхъ поръ можно быть спокойнымъ за судьбу на этой сценѣ хотя бы Островскаго, котораго оба юбиляра выбрали для своихъ театральныхъ именинъ.

Правдинъ и Садовскій, это—два прекрасныхъ имени въ исторіи Малаго театра.

Это—представители второй славной генерации группы Малаго театра.

Генерация, которая приняла благословеніе на свой артистическій подвигъ непосредственно изъ рукъ тѣхъ колоссовъ, которые составили его первую славу, и съ великою честью для себя и для русскаго искусства продолжала своими крупными талантами служить великимъ завѣтамъ реализма.

Сейчасъ мы растерялись на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ. И въ искусствѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; сейчасъ мы похоронили бытъ, сидимъ на его могилѣ, не увѣрены въ томъ, что онъ не подымется изъ могилы и не потребуетъ у насъ

грознаго отчета. Похоронили бытъ, какъ умершій, но ничего дѣйствительно живого на его мѣсто не поставили. Мечемся въ сумеркахъ, хотимъ увидѣть живое и со всѣхъ сторонъ натываемся на призраки и съ тревогой, со страхомъ служимъ имъ.

Юбиляры — счастливые художники другой эпохи. Дѣятели того времени обладали дѣйствительно великимъ счастьемъ: они знали, куда идти. Имъ не зачѣмъ было бросаться отъ одного бога къ другому.

И О. А. Правдинъ, и М. П. Садовскій начали свою артистическую жизнь въ то время, когда только-что, чуть не у нихъ на глазахъ, одержала побѣду гоголевская школа, когда въ литературѣ работала дружная, сплоченная семья писателей, которые всѣ вышли изъ гоголевской «Шинели».

Литературная школа, какъ это всегда бываетъ, опредѣлила собой и школу театра. Щепкинъ,—вѣдь, это Гоголь сцены. Сценическими образами онъ говорилъ то самое, что Гоголь—образами литературными.

И подобно тому, какъ для преемниковъ Гоголя, Тургенева, Островскаго и другихъ не было и не могло быть вопроса, въ какую сторону надо идти, такъ не было и не могло быть этого вопроса для преемниковъ щепкинской школы, въ данномъ случаѣ—Правдина и Садовскаго.

И они всю свою артистическую жизнь твердо и неуклонно шли путемъ художественнаго реализма.

Возьмите на-выборъ любую изъ лучшихъ ролей репертуара того и другого артиста, и, помимо того индивидуальнаго, что вносить въ свое твореніе каждый истинный талантъ, помимо собственного аромата, вы увидите и одно единое: это—непосредственная, генетическая связь съ гоголевскими завѣтами.

У теперешнихъ этого нѣтъ совершенно, и, можетъ-быть, это исполнѣ законно и необходимо, какъ законна, необходима и прекрасна у стариковъ эта связь съ Гоголемъ.